

5 (18) июля

Преподобноисповедник
Агапит (Таубе)

Преподобноисповедник Агапит родился 4 ноября 1894 года в городе Гатчине Санкт-Петербургской губернии в благочестивой семье барона Михаила Фердинандовича фон Таубе и в крещении был наречен Михаилом.

Преподобноисповедник Агапит

Михаил Фердинандович родился в 1855 году в Санкт-Петербурге, в 1882 году окончил институт инженеров путей сообщения императора Александра I со званием гражданского инженера и был зачислен на действительную военную службу в лейб-гвардии конный полк. Впоследствии он был признан врачами негодным к военной службе и перешел на работу в ведомство Министерства путей сообщения, что более соответствовало его образованию и природным наклонностям. В 1884 году Михаил Фердинандович был назначен начальником экспедиции, производившей изыскания перед тем, как начать строительство Сибирской железной дороги, в 1885 году он возглавил экспедицию, производившую изыскания для соединения железнодорожной линии Самара – Уфа – Златоуст с одним из пунктов Екатеринбургско-Тюменской железной дороги. Михаил Фердинандович был женат на дочери генерала от артиллерии Анне Александровне Барановой, и в 1889 году у них родился сын Александр. В 1891

году Михаил Фердинандович был назначен начальником дистанции в городе Везенберге^а, а через год переведен на должность начальника Гатчинской дистанции. В 1892 году в их семье родился второй сын, Иван. В 1893 году Михаил Фердинандович был назначен инженером при Балтийской и Псковско-Рижской железной дороге, в 1894-м – техником службы Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги. 4 ноября 1894 года в семье родились близнецы Михаил и Сергей, которые были крещены 26 ноября полковым священником Николаем Васильевичем Щегловым в церкви святителя Николая Чудотворца лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны полка в Гатчине. В 1897 году Михаил Фердинандович был назначен помощником делопроизводителя хозяйственного отдела Управления казенных железных дорог, а затем помощником старшего наблюдателя за производством изысканий на железнодорожной линии Миллерово – Рудня. В 1899 году у супругов родилась дочь Мария. В 1900 году Михаил Фердинандович был назначен помощником наблюдателя за строительством Варшавско-Венской железной дороги, с 1910-го он стал работать в Управлении по сооружению железных дорог Министерства путей сообщения.

*Михаил фон Траубе.
Санкт-Петербург. 1905 год*

После переезда семьи из Гатчины в Санкт-Петербург Михаил Фердинандович стал прихожанином храма священномученика Исидора Юрьевского, где настоятелем был известный миссионер протоиерей Павел Кульбуш, впоследствии епископ Ревельский, жизнь закончивший мученически^б. Михаил Фердинандович был человеком глубоко религиозным, по политическим убеждениям – монархистом, членом Главного совета Союза русского народа и

^а Ныне город Раквере в Эстонии.

^б Священномученик Платон (в миру Павел Петрович Кульбуш), епископ Ревельский, викарий Рижской епархии; память 1/14 января.

совета Русского собрания, по религиозно-общественным взглядам – славянофилом, написавшим на эту тему целый ряд работ: «Славянофильство и его определение», «Основные положения славянофильства как научно-философского богословского учения», «Ложь Запада и творчество Востока по славянофильскому учению» и т.д. В его доме регулярно проходили заседания монархического религиозно-философского кружка, который со временем стали посещать и его дети. Он деятельно участвовал в церковной жизни, и за труды в Холмском православном Свято-Богородицком братстве ему в 1901 году был присвоен братский значок 3-й степени; в 1918 году он был избран в члены Петроградского епархиального миссионерского совета; скончался Михаил Фердинандович в 1924 году.

В 1912 году его сын Михаил, обладая исключительными способностями и трудолюбием, окончил с золотой медалью столичную гимназию Карла Мая и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где много лет преподавал двоюродный брат Михаила Фердинандовича, выдающийся правовед Михаил Александрович Таубе, но из-за начавшейся войны проучиться ему здесь пришлось только три года. Весной 1915 года Михаил поступил на ускоренные артиллерийские курсы, после окончания которых в феврале 1916 года был произведен в офицеры и отправлен на фронт, где поначалу служил помощником командира батареи в артиллерийском дивизионе в чине прапорщика, а затем подпоручика, в районах Нарочь – Молодечно и под Тернополем. Летом 1917 года он был тяжело ранен и отправлен в госпиталь в Петроград. Михаил подал прошение о зачислении в университет вольнослушателем с правом держать экзамены, которое было удовлетворено, и 14 ноября 1918 года он был зачислен студентом.

Михаил Михайлович фон Таубе (слева) перед отправкой на германский фронт. 1916 год

14 февраля 1919 года Михаила призвали в Красную армию, где он служил в Комиссариате снабжения и распределения Союза коммун Северной области сначала в должности рядового контролера, а затем старшего контролера. С 3 сентября 1919 года его стали назначать на самые разные должности: он служил начальником связи, командиром батареи, особоуполномоченным по сбору военно-исторического материала штаба артиллерии 2-го стрелкового дивизиона, адъютантом при штабе, делопроизводителем в управлении начальника артиллерии Петроградского военного округа. Он участвовал в боях против белополяков под Гродно – Лидой и под Петроградом – Нарвой против Юденича, в армии которого воевал его старший брат Иван.

Иеросхимонах Нектарий (Тихонов)

15 сентября 1921 года Михаил поступил в Петроградский Богословский институт, в котором он проучился до его закрытия в мае 1923 года.

15 августа 1922 года Михаил был уволен из армии по сокращению штатов в бессрочный отпуск и осенью того же года по приглашению Лидии Васильевны Защук^а, бывшей в то время заведующей музеем «Оптина Пустынь», расположившимся в Козельской Введенской Оптиной пустыни, стал сотрудником музея – хранителем монастырской библиотеки. Здесь он стал усердно знакомиться со святоотеческой литературой и богатейшими по своему духовному содержанию рукописями.

^а Преподобномученица Августа (в миру Лидия Васильевна Защук), схимонахиня; память 26 декабря / 8 января.

Иеромонах Никон (Беляев)

Живя в Оптиной, Михаил был духовным сыном старца Нектария^а; под его руководством он занимался в библиотеке, читал ученикам старца доклады на богословские темы. Ложем ему в то время служила доска. После высылки старца Нектария из монастыря духовным отцом Михаила стал в 1923 году иеромонах Никон (Беляев)^б, который постриг его в монашество с именем Агапит. По воспоминаниям знавших монаха Агапита в этот период, он был человеком высоким, худым, всегда грустным и сосредоточенным, искавшим в христианстве не столько утешения, как это часто бывает, сколько духовного подвига. Недоброжелатели доносили о нем в ОГПУ, что он «неоднократно в коленопреклоненном состоянии у старцев был заставаем» и поддерживает «живую тесную связь с монахами, проживающими в музее и вне его».

В его служебные обязанности входили разбор монастырской библиотеки и составление к ней каталога, а также проведение экскурсий для посетителей музея. Проводя экскурсии, монах Агапит с восторгом рассказывал о прошлом обители и вообще о Церкви, в иных случаях совершенно не беря в расчет, кому он рассказывает.

«Я пробыл с ним 2 часа <...>, – писал секретарь Наркомпроса Ушаков, – и его рассказы о значении той или иной древней книги, или картины, или вещи таковы, что при выходе из музея поневоле приходится сказать: „Как много религия сделала для культуры и как жаль, что она теперь находится в загоне“». «Человек, находящийся в настоящее время в близкой дружбе с монахами и не пропускающий ни одной церковной службы, может ли являться ученым сотрудником музея? <...> Мне кажется, выгоднее и полезнее иметь сотрудником неученого спеца, чем

^а Преподобный Нектарий Оптинский (в миру Николай Васильевич Тихонов), иеросхимонах; память 29 апреля / 12 мая.

^б Преподобноисповедник Никон (в миру Николай Митрофанович Беляев); память 25 июня / 8 июля.

такого „слишком ученого“» – таким выводом заключил Ушаков свой отчет о работе музея.

*Лидия Васильевна Защук.
1937 год*

Новая заведующая музеем, Карпова, предложила начальству уволить Таубе как человека, настроенного мистически, что крайне нежелательно для музея, который и так зарекомендовал «себя среди властей и населения как единица оставшегося старых традиций монашества <...>», и 23 февраля 1925 года монах Агапит был уволен.

Летом 1925 года от Наркомпроса в музей «Оптина Пустынь» был прислан еще один проверяющий, который оставил воспоминание о монахе Агапите. Сам человек неверующий, он вспоминал о нем как об аскете, который решительно отказывался от приглашений на обед или денег, когда люди, зная о его увольнении, старались оказать ему помощь. Он не скрывал своей веры и, проходя мимо храма или часовни, хотя те уже были обращены в какой-нибудь сарай или приспособлены для хозяйственных нужд, неизменно останавливался и, произнося тихо молитву, совершал крестное знамение. В обращении с людьми он всегда был ровен и вежлив, никогда не раздражался и ни на что не жаловался, вообще избегая говорить о себе. Даже те, кто не знал о его постриге, считали его монахом.

Однажды проверяющий застал монаха Агапита в доме поэта Георгия Чулкова. Оба они о чем-то горячо спорили. Чулков объяснил, что беседуют они о писателе Федоре Достоевском, и вопрос заключается в том, попадет ли писатель в рай. Монах Агапит сомневался, что можно с такой определенностью это утверждать. Георгий Чулков в этом не сомневался и, даже обидевшись за писателя, начал говорить, что он сам откажется от вечного блаженства, если там не будет Достоевского. Пришедшему гостю было предложено рассудить спор. Но поскольку он был человеком, не разбирающимся в вопросах религиозных, и сказать ничего не мог, он сначала смутился, а затем, набравшись мужества, заявил, что считает для мятущейся души Достоевского рай слишком скучным. Монах Агапит, выслушав кощунственное и легкомысленное, близкое к безумию заявление, содрогнулся, и хозяйка дома поспешила переменить тему.

После увольнения из музея он жил то на родине в Петрограде, то около Оптиной, готовя себя к священническому служению; хорошо зная французский, немецкий, английский, итальянский и латынь, он зарабатывал на жизнь преподаванием иностранных языков.

Отвечая на его вопрос относительно рукоположения, иеромонах Никон 14 июня 1927 года писал ему: «Честнейший о Господе отец Агапит! Божие благословение да пребывает над Вами во веки. Сердечно сочувствую Вам в скорбях Ваших и молюсь о Вас, как о сыне моем духовном. Меня спрашивал отец Лаврентий, и я ему, помнится, ответил, что советую Вам приезжать к нам <...>. О рукоположении должен сообщить следующее: архиепископ Феофан^а вообще большой буквалист и стоит на букве закона, и едва ли будет посвящать клирика не из его епархии. Неизвестно нам и то, что имеет ли он вообще возможность рукополагать <...>. На всякий случай хорошо бы послать письмо вашему Е.И.^б просьбой дать свое согласие на посвящение у кого-либо из православных архиереев. Если это будет даже простое письмо, мне думается, оно будет иметь силу <...>.

Да сотворит с нами Господь по воле Своей святой и да управит жизнь нашу во спасение. Прошу святых молитв и желаю Вам мира и радования о Господе и всякого благополучия...»

Получить это письмо монах Агапит не успел: 16 июня он был арестован, а 11 июля был арестован и отец Никон. До дня ареста монах Агапит ходил в светской одежде, а когда пришли за ним сотрудники ОГПУ, он с радостью надел рясу и ушел христианским исповедником, точно только этого момента и ждал.

1 июля монаху Агапиту было предъявлено обвинение в том, что он «имеет обширные связи с центральными городами Союза ССР и, являясь сотрудником Оптинского музея, <...> связывается с контрреволюционной группировкой означенного музея <...> и совместно ведет контрреволюционную агитацию и религиозную пропаганду среди широких слоев крестьянского населения <...>. Имея тесную связь с Никоном Беляевым, Таубе как лицо, связанное со всем научным миром, в целях <...> контрреволюционной деятельности предоставляет и использует все <...> возможности...»

Сотрудники ОГПУ в соответствии с тогдашней государственной идеологией автоматически рассматривали монахов как членов контрреволюционной организации, и потому все вопросы, касающиеся пострига: кто постригал, как это было совершено и кто при этом присутствовал – были для них вопросами не столько религиозными, сколько организационно-политическими. И принявший монашество, и постригавший в их глазах одинаково были преступниками, как дававшие обеты не государству, а Богу; монашеские обеты и сами по себе делали монаха неуязвимым: невозможно было отобрать что-либо из земных стяжаний, если человек добровольно отказался от них, невозможно было угрожать лишением жизни тому, кто для земной жизни умер. Настаивая на получении сведений обо всех участниках пострига отца Агапита в монашество, следовательно спросил его:

– Скажите, когда вас постриг в монахи Никон Беляев, где именно это происходило и кто при этом еще был?

Хорошо понимая, как следователь будет интерпретировать каждый его ответ, зная, что он незаконно и спрашивает его об этом, так как статьи,

^а Архиепископ Калужский Феофан (Туляков).

^б Вероятно, имеется в виду кто-либо из епископов.

предполагающей уголовную ответственность за постриг в монашество, не существует, отец Агапит сказал:

– На этот вопрос я отказываюсь давать ответ.

– Почему?

– Поскольку касается личной моей жизни.

Это был исчерпывающий с точки зрения закона и по христианской совести ответ, и все допросы на этом были прекращены.

19 декабря 1927 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило монаха Агапита к трем годам заключения в Соловецком концлагере, и он был отправлен в пересыльный лагерь, располагавшийся в городе Кеми, куда был заключен и его духовный отец. Первое время они жили вместе, но затем монаха Агапита отправили на одну из лагерных командировок в лес, на побережье Белого моря, а отец Никон был оставлен в Кеми.

По окончании срока заключения, 23 мая 1930 года, Особое совещание без дополнительного разбирательства снова приговорило монаха Агапита к трем годам ссылки, и он был отправлен в Архангельск, куда ему сподобилось ехать в одном этапе со своим духовным отцом, что стало для него большим утешением.

В Архангельске им пришлось проходить медицинскую комиссию. Врач, обследовавший отца Никона, заметил, что по состоянию здоровья он мог бы быть направлен в лучшие климатические условия. «Отец Никон, привыкший отсекал свою волю, <...> спросил совета <...> у отца Агапита, который не посоветовал ему предпринимать что-либо в этом направлении, и отец Никон <...> сказал: „Воля Божия да совершается!“ По прибытии в <...> Архангельск отец Никон и отец Агапит некоторое время жили вместе. Вскоре отца Никона отправили в Пинегу, а отец Агапит остался один вблизи Архангельска», в селе Заостровье.

Монаху Агапиту в то время не присылали посылок, и монахиня Амвросия (Оберучева) спросила его как-то в письме, не нужно ли чего послать. Он ответил, что нуждается в сапогах, так как его отправляют на работу в лес, на болото. Монахиня Амвросия заказала сшить сапоги монаху-сапожнику, который раньше шил для отца Агапита и знал его мерку, и затем отправилась в деревню за несколько километров от Архангельска передать их ему вместе с продуктами. «В этой же деревне, – вспоминала она впоследствии, – поселился и присланный сюда с Соловков владыка Тихон^а Гомельский. Он радушно встретил нас. Помещение у него было хорошее, он снимал две комнаты. В одной была марлевой занавеской отделена часть для алтаря». Монах Агапит нашел квартиру для монахини Амвросии и посетил ее на следующий день. Он рассказал ей об отце Никоне, с большой любовью и теплотой вспоминая их совместную жизнь и грустное расставание, и попросил, чтобы мать Амвросия обязательно писала отцу Никону, так как ее письма всегда были для того большим утешением. Получив добротные сапоги, он отдал в починку валенки; через день он был арестован вместе с епископом Тихоном.

В архангельской ссылке монах Агапит познакомился с архиепископом Архангельским Антонием (Быстровым)^б и некоторыми ссыльными епископами и священниками, а с владыкой Тихоном (Шараповым) он оказался в самом ближайшем соседстве. 23 января 1931 года архиепископ Антоний был арестован, по тому же делу были арестованы двадцать один человек и среди них монах Агапит. На допросе следователь спросил его, знает ли он о совершившихся

^а Шарапов.

^б Священномученик Антоний (в миру Николай Михайлович Быстров); память 3/16 июля.

епископом Тихоном тайных богослужениях. Заявив, что он никогда не видел, чтобы его сосед-епископ совершал дома богослужения, и что никаких бесед между ними не было, монах Агапит сказал: «Виновным в антисоветской агитации себя не признаю, так как никогда и нигде на политическую тему антисоветских разговоров не вел».

Монах Агапит был обвинен в том, что являлся ближайшим сторонником епископа Тихона, участвовал в помощи ссыльному духовенству, которую организовал архиепископ Антоний, и выдавал себя среди крестьян «за мученика и невинного страдальца за веру Христову».

Вскоре монахиня Амвросия получила от отца Агапита телеграмму с адресом, по которому он просил прислать ему валенки, ибо зимой без валенок во время суровых морозов он оказался в весьма тяжком положении. Она собрала посылку и решила сама ее отвезти. Ехать нужно было на пригородном поезде. Некая девушка взялась ее проводить. Посылку накрепко привязали к саночкам, и поэтому всю дорогу им пришлось стоять на площадке среди мужчин-рабочих. Когда доехали до нужной станции, то платформы не было, и надо было со ступенек сходить прямо на обледеневшую горку. Монахиня Амвросия, поскользнувшись, упала, и через нее стали прыгать рабочие. Казалось, ее затопчут, но над ее головой оказалась чья-то рука, которая защитила ее.

На станции они расспросили, где размещаются заключенные. Оказалось, что идти надо было еще около двух с половиной километров по вьющейся среди деревьев тропинке. Девушка вызвалась проводить монахиню и повезла санки. Когда добрались до места, они распрощались, и монахиня Амвросия стала дожидаться, когда примут посылку. Наконец ее впустили в палатку, раскрыли посылку и, не найдя в ней ничего недозволенного, отнесли монаху Агапиту и в ответ принесли от него записку со словами благодарности. Тем временем стало быстро темнеть, и надо было искать ночлег. На ночлег монахиню пустили к себе в дом добрые люди, которые утром угостили ее блинами и испекли блинов на дорогу. Проходя мимо лагерной палатки, монахиня Амвросия попросила передать их заключенному Таубе, что и было сделано. И монах Агапит вновь ответил ей с благодарностью запиской.

2 декабря 1931 года монах Агапит был приговорен к трем годам заключения в концлагерь и отправлен в Мариинские лагеря в Кемеровской области. Вернувшись из заключения, он поселился в городе Орле, где в то время жили многие ссыльные и отбывшие заключение в лагерях. Иногда он приезжал в Москву, где встречался со знакомыми по Оптиной пустыни.

В начале 1936 года отец Агапит заболел: у него образовалась опухоль, и друзья предлагали ему лечь в больницу. Он выехал в Москву, операция была сделана, но врачи предупредили, что могут быть последствия, и через некоторое время он обнаружил новую опухоль, операцию делать уже было бессмысленно. Перед последним отъездом в Орел он навсегда попрощался со всеми знакомыми – попрощался просто, спокойно, будто только на время уходил от них, чтобы, если Бог благословит, встретиться, но уже в иной жизни.

Его страдания в течение болезни все более возрастали, ни есть, ни говорить он уже не мог, но при этом он не терял бодрости духа и, пока были силы, ходил в храм. Когда отцу Агапиту было что-либо нужно, он писал записку старушке-хозяйке, жившей на другой половине дома, через стену от него. Он предупредил ее, что, когда ему станет совсем плохо, он ей постучит. 18 июля он постучал в стену, и когда хозяйка вошла, то увидела, что монах Агапит лежит, не сводя глаз с

иконы Божией Матери. «Лицо его было сосредоточенно и кротно. Ни боль, ни страх не искажали его. Он не стонал, только дыхание становилось все реже...» Впоследствии она рассказала, что «переносил он свои страдания так светло, что она молится о нем, как о святом».

Монах Агапит скончался 18 июля 1936 года и был погребен на одном из городских кладбищ Орла.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.1»

Тверь. 2016. С. 191–204